К ВОПРОСУ О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЯХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА СЕРБОХОРВАТСКИЙ ЯЗЫК ПОЭМЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА *ПЕСНЯ ПРО… КУПЦА КАЛАШНИКОВА* (ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Е. Головатина – Н. Клочко

Проблема адекватного перевода художественного текста сопряжена с передачей на иностранный язык особенностей его эмоционально-речевой организации, формируемой эмотивно-оценочными характеристиками языковых единиц. Это означает, что лингводидактический аспект перевода связан с необходимостью эксплицирования в языковом сознании реципиента/переводчика экспрессивного диапазона слова, одним из маркеров которого является субъективная модальность типа de re (*Грамматика* 1970: 615). Некоторые стороны указанной проблемы могут быть рассмотрены на языковом материале поэмы М. Ю. Лермонтова *Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова.*

Богатство жанрово-стилистических характеристик, особый синтез романтических, фольклорных и реалистических начал, яркая образность поэмы в течение уже длительного времени являются объектом пристального внимания исследователей и переводчиков. Переводы поэмы М. Ю. Лермонтова на сербохорватский язык (Т. Прпич 1939, 1944; Б. Вукичевич 1941, 1961; Д. Цесарич 1951; М. Живанчевич 1980) в настоящей статье рассматриваются с вполне определённой исследовательской позиции: с точки зрения отражения в них объективного и субъективного оценочного диапазона прилагательных, которые, как отмечают лингвисты (Вольф 1979), наиболее очевидно отражают категорию оценки.

Отправными моментами при решении поставленной задачи служили следующие положения:

1. при рассмотрении оценочной семантики адъективов мы исходили из получившего распространение в лингвистике толкования понятия „оценка”, подразумевающего такой тип субъективной реакции, который связан с выражением ценностного отношения к предмету на основе критерия „хорошо-плохо”;

2. для лексико-семантических исследований релевантным является учёт коррелятивных типов значений: дескриптивных и оценочных.

Первые ориентированы на отражение элементов действительности, вторые – на выражение ценностно-оценочного отношения к элементам действительности;

3. модально-экспрессивные характеристики языковых единиц могут быть представлены объективной и субъективной оценочностью в зависимости от формы представления события и форм лексической закреплённости адъектива.

Если исходить из того, что объективная оценочная модальность предполагает некоторую абстрактность в отношении сообщаемого к действительности, то очевидным становится доминирующее положение в традиционных формах фольклорной символики объективной оценки, закреплённой в устойчивых сочетаниях массовым языковым сознанием. При этом заметим, что в большей степени фольклорные адъективы распределяются в области нейтральных в оценочном плане значений (сыра земля, ворота тесовые, заря алая, молода жена, ветер буйный) и общеоценочных прилагательных (красны девушки, добрый молодец, житьё вольное, славный конь). Фольклорные устойчивые сочетания, представленные частнооценочным типом значений, содержащих одновременное указание на признак и оценку (Арутюнова 1988: 75), по нашим наблюдениям, менее частотны (сабля острая, глаза зоркие, кости сирые).

Отметим, что факт регламентации литературного узуса повлёк за собой при переводе строгий отбор лексики, который, с одной стороны, детерминируется общей жанровой характеристикой подлинника и, с другой, – соблюдением тех норм, которые существуют для данного жанра в языке перевода. В рассматриваемых литературных переводах сохраняется равная семантическая наполненность народно-поэтической символики, не противоречащая системе фольклорных ценностей оригинала: сиви голуб, очи сузне, еарко сунашце, румена зора, крвна родбина.

В противоположность стихии фольклорных форм, поэтический мир, воссозданный по законам романтизма, характеризуется ярко выраженной субъективной оценочностью, отражающей отношение говорящего к тому, что он сообщает (*Грамматика* 1970: 615). К зоне субъективной оценки

относятся, таким образом, слова, коннотативно-оценочный компонент которых не входит в денотативное ядро и соотносится не с самими предметами, а с типизированными эмоциями, эмоционально-оценочным отношением, приведём примеры: дума крепкая, грешная, головушка бесталанная, горемычный прах – душа грешна, глава еадна, зема_ски прах, слово грозное. Отметим, что при сличении смысловых значений слова „грозный" и сербохорватского „грозан" (страшный, противный, плохой) очевидным становится тот факт, что на сербохорватском языке эпитет отягощается иными социально-психологическими коннотациями, уводящими смысл прилагательного в иную эмотивно-оценочную плоскость (ср. перевод Вукичевича: „грозна реч"). Последний пример с очевидностью иллюстрирует положение о том, что при переводе языковых единиц художественного текста чрезвычайно важен учёт „функционирующих в том или ином социуме стереотипов восприятия" (Сорокин-Марковина 1988: 10), их чёткая полюсная отнесённость. Следует заметить, что каждому из полюсов субъективно-объективных связей присущи своя система антитез и сопоставлений, своя смысловая направленность. Романтическая символика демонстрирует своеобразную всеобщую модель романтической концепции соотношения идеала и действительности героя и антигероя. Так, например, перспектива смысла символа романтического злодея безусловно направлена к эксплицированию разрушения нравственного идеала. Сравн.: „промолвил [*царь,* Е. Г. – Н. К.] слово грозное" – „страшну ријеч прозбори" (Цесарич), „слово злокорбно" (Сибин.); „затаил [*Кирибеевич,* Е. Г. – Н. К.] думу нечестивую" – „тешка га мори мисао" (Цесарич), „црна мисао га оборила" (Вукичевич). Традиционные и индивидуализированные воплощения поэтического символа романтического героя формируются на основе представлений о его нравственной вознесённости. Приведём примеры его положительных характеристик: „сердце жаркое" – „срце врело" (Вукичевич), „ватрено" (Сибин.), „жарко", јуначко" (Прпич); „очи соколиные, тёмные" – „очи смеоне, ватрене" (Прпич), „живе" (Вукичевич); „имя честное" – „име честито" (Цесарич), „[*Калашников,* Е. Г. – Н. К.] потомак оца чести тога" (Вукичевич); „живёт герой по закону господнему" – „по закому божијему" (Цесарич), „хришчанскому" (Вукичевич). Принципиальная и

содержательная функция лермонтовских символов героя-антигероя покоится на чувственно наглядных изображениях природных явлений, которые становятся для воспринимающих их субъектов откровением судьбы, предельно пространственно вознесённой областью равнодушного и безличного идеала. Высший накал душевных сил вдохновенно влюблённого Кирибеевича гаснет при соприкосновении с действительностью, предстающей в облике тревожного, движущегося снега, метели. Символика снежного простора, сыпучих снегов становится специфической формой реализации романтической субъективности. Индивидуализированные формы субъективной оценки, принципиальная содержательная функция авторского символа открывает Лермонтову возможность воссоздать самые неожиданные аналогии, построенные на антитезе „космос-человек", строить новую систему соответствий между природными явлениями и внутренним миром человека: „побледнел [*Кирибеевич,* Е. Г. – Н. К.], как осенний снег" – „побледио ко ледан снег" (Вукичевич), „очи као муње секу перјаника" (Вукчевич), „рујна зора весело се буди" (Цесарич). Рассмотренные примеры, иллюстрирующие особую маркированность ассоциативных полей адъективов, индивидуализированные формы их реализации позволяют сделать заключение об особой роли коннотативно-оценочных компонентов значения рассматриваемых единиц в формировании всего арсенала символических средств романтической поэмы, их органической связи с принципами субъективной оценочности.

Романтическое видение событий на Москве-реке в эпоху Ивана Грозного и реалистическая хроника этих событий помогают осознать причудливые формы вторжения оценки событий, явлений мира в поэтический контекст. Понятно, что социально-психологическая маркированность оценки детерминируется теми стереотипами восприятия, которые сложились в рамках этноса и отражают мировоззренческую парадигму эпохи. Исследования коннотативно-оценочных характеристик в рамках контекста языка оригинала и перевода позволяет сопоставить эти межэтнические мировоззренческие парадигмы. В этой связи рассмотрим коннотативные ряды „святая Русь – народ православный – церковь божия – святые иконы" на полюсе положительной оценки и „копьё бусурманское – злы татаровья – бусур-

манский сын" – на полюсе негативной оценки. Возникает необходимость разобраться в причинах, оправдывающих соположение эпитетов в коррелирующих коннотативных рядах. Общие вершинные семы сопоставляемых социально-психологических детерминантов актуализируют дихотомию „своё (что хорошо) – чужое (что плохо)".

Сформировавшиеся задолго до принятия христианства представления о мире инородцев являются следствием как осознанного, так и бессознательного отношения этноса к иному типу культуры, и потому могут быть интерпретированы как оценочные реликты. Семантическим обобщением второго члена оппозиции может служить первоначально нейтрально-оценочное прилагательное „поганый", имевшее в древнерусском языке дескриптивное, нейтральнооценочное значение – „языческий", „нехристианский". Сравн.:

> ONA ЖЄ [*ОЛЬГА,* Е. Г. – Н. К.]… РЄЦЄ КО ЦРЮ: АЗЪ ПОГАNА ЄСМИ; АЩЄ МЯ ХОЩЄШЬ КРСТИТИ КРСТИ МЯ САМЪ (Сл. XI-XVII: 15,181).

В связи с распространением в славянских землях христианства как официальной религии к язычеству складывается отрицательное отношение. Со значением „поганый" начинают связываться устойчивые отрицательные ассоциативные связи членов языкового коллектива. Закрепление устойчивых отрицательных ассоциаций в виде коннотаций обнаруживается в следующих значениях:

1. „еретик":

> МАРКОСЪ ОТ РИМА ВЪ ГРАДЪ БЬРНЄ, ИДЕЖЄ БЄ ЖИЛЪ ПОГАNЫИ ЗЛЫИ ДЄД-РИКЪ (Срезн. II: 1011).

2. „запрещённый верованием, нечистый с религиозной точки зрения, осквернённый": поганая пища, поганое место, поганое зелье. Ощущение принадлежности к тому или иному миру со временем становится компонентом этнического самосознания славян, в особенности в условиях татаро-ордынского или турецко-османского ига. Именно новая мировоззренческая парадигма детерминирует отношение к православной вере как к своей, национальной. Ср., напр., у сербов „српска вера" в отличие от „турска вера". Истоки общности

славянской символики правомерно, по-видимому, искать в схожести древнейших представлений славян, которые прошли через идентичные ступени развития религиозных представлений, поэтому представляется логичным восприятие живущим „по закону христианскому" Калашниковым „бусурманского сына" Кирибеевича: „неверно, проклето колено", „неверничко копље" (Вукичевич, Прпич), „син орјатски", „клети душманин" (Сибин.), „некресте" (Цесарич). Приведённые межъязыковые сопоставления усиливают эффект противопоставления русского и нерусского, подтверждая мысль о необходимости соотнесения „идентифицируемой словоформы с некоторой совокупностью продуктов переработки рационального и чувственного, социального и индивидуального предшествующего опыта человека" (Залевская 1981: 31). Процесс окончательного формирования в языковом сознании реципиента/переводчика определённых оценочных суждений по отношению к субъекту действия, явлению завершается, таким образом, осознанием дополнительных семантических оттенков, приобретаемых прилагательными в результате индивидуально-авторской установки. При этом существенным является тот факт, что выделяемый эмотивно-оценочный компонент не является периферийным, напротив, оценочная коннотативная сема занимает ведущее положение в структуре значения, демонстрируя в онтогенезе слитность познавательного и аффективного момента, единство ratio и emotio.

В целях обучения переводу представляется целесообразным эксплицировать в учебной аудитории механизм приобретения субъективной оценки на базе первоначально нейтральных в оценочном плане прилагательных (напр., зелёный и красный).

Интересно отметить, что в сербских эпических песнях часто подчёркнут зелёный цвет одежды и шатров „неверных" – турок, эту национально-специфическую особенность цветообозначения использует в своём переводе Б. Вукичевич: Кирибеевич на поединке сбрасывает с плеч „зелену доламу" (сравн. у М. Лермонтова: Кирибеевич „скидает с могучих плеч шубу бархатную"). Таким образом, в результате индивидуально-авторской установки переводчика исконно нейтральное в оценочном отношении прилага-

тельное приобретает в художественном контексте аутентичную номинацию.

Путь развития оценочной семантики у каждого прилагательного, изначально не имеющего оценочного значения, индивидуален. Однако общий момент в механизме присвоения адъективом оценочной маркированности связан с подключением к семантическим характеристикам языковой единицы системы ценностных представлений носителей языка и возникновением у последних положительных/отрицательных ассоциаций. Ср.: зелёная шуба – зелёные шатры турок → негативные ассоциации, связанные с представлениями о порабощении, жестокости, или: „По высокому месту лобному во рубахе красной с яркой запанкой (…) палач весело похаживает" – прямые ассоциации с цветом крови, насильственной смерти.

Приведенные примеры иллюстрируют возникновение на базе дескриптивного признака оценочных коннотаций, которые, в силу ассоциаций, связывающих дескриптивный признак с наличием/отсутствием определённых качеств в явлении, предмете, лице, ведут к окказиональным образованиям. При этом оценочная сема занимает ведущее место в структуре лексического значения, ограничивая роль дескриптивного компонента указанием на мотив, основание оценки.

Рассмотрев некоторые коррелирующие лексико-семантические особенности оригинала и переводов лермонтовской поэмы, необходимо отметить, что семантическая наполненность оценочного диапазона прилагательных, особая роль субъективной оценки, неограниченный комплекс ассоциаций, актуализируемых оценочными адъективами, свидетельствуют о невозможности в процессе перевода остаться в рамках лингвистической теории, без учёта психологического момента сопереживания. Игнорирование коннотативных характеристик сопоставляемых единиц ограничивает глубину понимания, вызывает деформацию восприятия стихии авторского мироощущения, эстетической ценности языка оригинала и перевода.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова, М. Д.
1988 *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт,* М. 1988.

Вольф, Е. М.
1979 *Варьирование в оценочных структурах,* в: *Семантическое и формальное варьирование,* М. 1979.

Грамматика
1970 *Грамматика современного русского литературного языка,* ред.: Н. Ю. Шведова, М. 1970.

Залевская, А. А.
1981 *О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека,* в: *Психологические исследования в области лексики и фонетики,* Калинин 1981.

Сорокин, Ю. А. и Марковина, И. Ю.
1988 *Понятие „чужой" в языковом и культурном контексте,* в: *Язык: этнокультурный и прагматический аспекты,* Днепропетровск 1988.

ABSTRACT

The article is devoted to the linguistic detection of adjective diaposition. They form the figurative system of Lermontov's poem *The song about czar Ivan Vasiljevich ...* and its translation into the Serb language.
It suggests the definition of assessment and it's criteria (good-bad). On this basis adjective connotations, which form original and transferred oppositions, are investigated.